

Эдуард Угрюмов. *«Сибирь, сотворённая нами»* : Поэтические репортажи о тружениках Кузбасса. – Кемерово, 2013, 136 с. (На правах рукописи)

«Из первых рук»

Литературное произведение, как правило, включает в себя определённый творческий домысел. Понятие «репортаж» исключает домысел в принципе. Это документально точное воспроизведение событий, изложенное литературным языком. И даже стихами, как в нашем случае.

Подзаголовок «поэтические репортажи» поставлен в книге не зря. Автор текста – профессиональный журналист, член Союза журналистов СССР, начал выступать в печати, когда ещё учился в техникуме. Что называется, «чистый электрик»: после окончания мастер по ремонту оборудования, монтажник-высотник (песенная профессия), инженер отдела электрооборудования в Кемеровском Совнархозе...

Параллельно выступал в газетах на производственные темы. Первые поэтические репортажи были опубликованы в заводской многотиражной газете «Металлург» Кузнецкого металлургического комбината, где в период своей новокузнецкой жизни Эдуард Угрюмов работал корреспондентом. Можно сказать, что эти тексты прошли обкатку среди тех людей, которые были их персонажами. Никакого домысла!

Окончив факультет журналистики в Уральском госуниверситете, Угрюмов двумя ногами переходит на тропу журналистики. Старший редактор ЗСГУ (Западно-Сибирское геологическое управление), корреспондент, а затем заместитель редактора городской газеты «Знамя шахтёра» (г. Междуреченск), редактор Кемеровского телерадио, областного книжного издательства. В марте 2013 года отмечалось 60 - летие его практической работы в печати.

Членство в Союзе Кузбасских писателей открыло новую – писательскую страницу в его биографии. Богатейший жизненный, производственный и журналистский опыт стал прочной опорой писательскому труду.

Публикуя первую серьёзную книгу Эдуарда Угрюмов, мы не только поздравляем автора, но и отмечаем большую общественную ценность этого издания. Эта ценность заключается в том, что репортажи зримо показывают трудовой процесс, будь то разведка недр, выплавка стали или балетные спектакли.

Показывают горячее стремление людей сделать свою страну сильнее, богаче, культурнее. Людей, проявляющих настоящий патриотизм ради процветания Родины. К этой книге можно было поставить и такой подзаголовок, как «Книга о трудовом патриотизме».

В наше время, когда внедряется культ личной наживы, примеры трудового патриотизма особенно важны.

«Прежде думай о Родине, а потом – о себе!» Этот лозунг советских времён является лейтмотивом всех произведений, вошедших в книгу. Он актуален и сегодня: ведь нашу Родину никто не отменял. Её необходимо всё так же развивать и укреплять.

Личный пример автора и героев его репортажей придаёт книге особую убедительность. Читатель видит описанные в ней события глазами непосредственного участника, как говорится, получает информацию из первых рук.

(Геннадий Дырин, Председатель правления Союза Кузбасских писателей)

НЕПОВТОРИМЫЙ ЗАПАХ МОНТАЖА

*Сердечно благодарю
Марину Лактееву,
чьё дружеское участие
помогло мне закончить
эту работу.
Эдуард Угрюмов*

Тексты даются выборочно

ЧАСТЬ 1

ДА БУДЕТ СВЕТ!

В семь часов с небольшим
В коридоре шаги загремели.
Предрассветный покой
Ими вдребезги сразу разбит.
Протирая глаза,
Второпях не заправив постелей,
Всё смеётся, поёт
И по лестнице гулкой бежит.
Вьюга хлещет в лицо!
Мы дорогу находим вслепую.
Вот гудит паровоз
И по рельсам топочет бегом.

Развесёлой ватагой
Азартно вагоны штурмуем
И, как бочки селёдкой,
Собой набиваем битком.

В тесноте, в темноте
Тоже есть что-то вроде уюта...
Разместившись удобней
В толпе, обступившей вокруг,
У себя на плече
Вдруг почувствуешь голову чью-то
И дыханья спокойного
Тихий размеренный звук.
Я стою, не дыша
И боясь хоть чуть-чуть шевельнуться.
Проплывают огни
За промёрзшим вагонным окном...
Только б ты не проснулась,
Моя незнакомая спутница,
До своей остановки
Уснувшая призрачным сном.

Содрогнулся вагон,
Словно вдруг получил подзатыльник.
В неподвижном морозе –
Отчётливый лязг буферов.
Ни луна, ни звезда,
Ни, тем паче, электросветильник
Здесь не могут нарушить
Ночной беспросветный покров.
Одиноко, темно...
Мы одни на окраине мира.
Оседают дыханье
На кончиках воротников.
Стройплощадка сейчас –
Словно сцена в театре Шекспира:
Посреди пустыря
Лишь таблички с названьем цехов.

Сквозь глухие снега,
Как сквозь годы – череда поколений,
Мы бредём вереницей
В туманную стылую даль,
Где в бескрайней степи,
Как зловещий приют привидений,
Как дворец ледяной,
Брежит теплоэлектроцентраль.
То есть, будет когда-то...
Сейчас ни тепла и ни света.
Лишь маячит вверху,
Нагоняя мистический страх,
Джунгли балок и ферм...
Мы же мраком холодным одеты,
На изрытой земле
До рассвета стоим у костра.

- Почему на огонь
Нам всегда так смотреть интересно? –
У монтажницы юной
Невольно сорвётся вопрос...
... Люди молча стоят,
Возле пламени сгрудившись тесно,
Словно все вдруг впадают
В какой-то пещерный гипноз.

Чуть забрезжит заря –
Солнце всё же светильник надёжный, -
Закипит стройплощадка,
Людской муравейник живой.
Разбираясь по схеме
В разводке, технически сложной,
Мы не только руками –
Работаем и головой.

В брезентухе своей,
С электродами за голенищем,
Толстый сварочный кабель –
Всю бухту! – взвалив на плечо,

Поднимаюсь наверх.
Мы такие! Где легче, не ищем!
Высота сорок метров,
Монтажнику, мне нипочём.

С чем сравню электроды
В шершавой и бурой обмазке?
Или в угольной чёрной,
Иль даже в простой меловой?
Словно стрелы они,
И, как в шлеме, в продымленной маске,
Я, как витязь, иду
На решительный праведный бой.

По сравненью с котлом
Ты покажешься мелким и жалким,
Если варишь площадки,
Над бездной повиснув на треть,
Или кабель несёшь
По бетонной негнущейся балке,
А с боков – пустота,
На которую страшно смотреть.
Лес изогнутых труб,
Арматуры причудливой сетка,
Ограждения стальные
В пушистой бетонной пыли...
Где-то в гулком провале
Восьмая грохочет отметка,
А под ней – нулевая,
Совсем в непроглядной дали.
Было, нервы не сдержат.
Порой разозлишься невольно,
Обгорая, срываясь,
Коптясь в электродном дыму...
Но не надо жалеть,
Что бывает и трудно, и больно:
Ведь в труде, как в любви,
Надо всё испытать самому.

Чрезвычайный момент:

Бригадир выдаёт разнарядку.
Надо выполнить в срок
Весь объём, что бригада взяла.
Чтоб закрыть «форму два»,
Нам придётся, мы знаем, несладко,
А пока разговор,
Пять минут посидим у «козла».

Что такое «козёл»?

Только он отпущенья бывает!
Почему он всегда
Воплощение страха и зла?
Есть «козёл», когда в домне
При плавке чугуна застывает,
Есть такая любовь,
Что заставит любить и козла.
А у нас это – печки
На асбоцементовых трубах.
На железных ногах,
Со спиралью, навитой на нём.
Он нас греет в морозы,
Когда не шевелятся губы,
Добродушно сияя
Своим золотистым руном.

Наступает обед –

Против холода лучшее средство.
Всей бригадой спешим
В тот приземистый тёплый уют,
Где синицы свистят,
Залетая с мороза погреться,
Где гороховый суп
И котлету с горохом дают.

Вот бетонщиков ряд,
К чьим рукам примерзала лопата.
Вот чистюли из КИП,
Трактористов видать за версту...

Вот девчата стоят –
Несравненные наши девчата,
Что под робой суровой
Скрывают свою красоту.
Под платками, косынками
Прячут юные лица.
При наряде таком
Им в глаза нелегко заглянуть!

Лишь рука промелькнёт,
Словно чуткая белая птица,
Чтоб поправить причёску
И вновь в рукавицу вернуть.
В первый раз я ушёл,
Посмотрев на толпу у раздачи.
Я стеченье народа
С улыбкой глазами обвёл.
А теперь я стою
И смотрю совершенно иначе,
Получаю обед
И сажусь за неубранный стол

После смены нелёгкой
Ребята свободно вздохнули.
Кто Зелёного Змия
За хвост ухватил: ну, держись!
Ну а мы разошлись
По общагам своим, как по ульям:
Это «личное время»,
В нём вся наша личная жизнь.
В дружной общей квартире –
Пятёрка товарищей близких.
Толик, ярый спортсмен,
Собирается в лыжный поход,
Хан, поправив очки,
Задаёт нам задачки по физике
И с лукавой улыбкой
Ответа нескорого ждёт.
Не ударить же в грязь!

Возрождается в памяти снова
Мой технический колледж –
Давно позабытая даль,
И конфуз, когда я
«Единицу» схватил по Чернову,
Потому что забыл,
Как чугун превращается в сталь.
Как рождаются сплавы,
По-разному прочны и стойки,
Напрямую завися
От формулы плавки своей...
Я не знаю оценки,
Что жизнь мне поставит на стройке,
Но забыть не смогу,
Как она формирует людей.

Стройплощадка живёт!
Обстановка меняется зримо:
На местах котлованов
И тоненьких колышков-вех
Поднимается ТЭЦ,
Батарей встает коксохима,
А за ней, в стороне
Зарождается доменный цех.

Молодёжь, молодёжь!
Только ты поднимаешь такое!
Если трудно – не плачешь,
А пляшешь и песни поёшь.
Строишь домны и клубы,
И семьи счастливые строишь
И, обнявшись, по стройке,
Как жизнь, безграничной, идёшь.

Мы монтаж завершим.
Персонал постоянный останется.
Акты сдачи подпишут,
Дежурный откроют журнал...
И отправимся мы

Строить новые электростанции,
С мастерами ругаться
И знать лишь бетон да металл.

Снова голая степь
Или дебри глухие таёжные.
Там, где трудимся мы,
Лишь потом создадут города.
Ну, а наша судьбина –
Года кочевые дорожные:
«Сибэлектромонтаж»
Называется наша орда.

Радхакришнан сказал,
Что серьёзной, заметной культуры
Никогда не создаст
Ни одно из бродячих племён.
Но электроцентраль
Из бетона, стекла, арматуры,
Из турбин и котлов –
Это, всё-таки, мы создаём.

Комсомольская стройка!
Твой клич и призывен, и звонок.
Я на зов этот рвался,
Восторга в глазах не тая.
Всесоюзный Запсиб!
Ты – мой первый любимый ребёнок,
Ты – и юность моя,
Ты и строгая зрелость моя.
Ты мне дал мастерство –
Я дороже не видел подарка!
Всемогущий, как бог,
Из железа, что хочешь, сварю!
Ведь в руках у меня
Диво дивное: электросварка.
Академик Патон –
Я спасибо тебе говорю.

Ах, как хочется сразу,
Без долгих проектов, задумок
В этом мире оставить
Особенный, собственный след!
... Мой автограф сварной,
Словно древний наскальный рисунок,
Навсегда утверждён
На запсибовском первом котле.

На Антоновке ёлка
С гирляндами разного цвета.
Наш посёлок зимой
Удивительно чист и красив.
Лишь окрестный пустырь
Да листы пожелтевшей газеты
Вам расскажут о том,
Из чего начинался Запсиб.

Вот за этими окнами –
Наша вечерняя школа.
У доски крановщица
Нелёгкий решает вопрос.
О Сибири поёт
В чистом воздухе девичий голос,
На далёких путях
Одиноко кричит паровоз.

ЧАСТЬ 2

ВЕСНА
Про весну говорят,
Что она пробуждает надежды.
Что она наяву
Исполняет заветные сны,
Что весной весь мир
Вдруг становится добрым и нежным,
И что жизнь без любви –
Это то же, что год без весны.

Ждём вагонов домой.
Солнце лица и руки целует.
Вон принцесса моя –
Белокурые пряди волос...
А вокруг – ералаш!
То навалятся в кучу малую,
То запустят снежком,
То со смехом спихнут под откос.

Ты столкнёшь ли, тебя ли –
Какая от этого разница?
Вот попался и я:
Кто-то жарко повис на спине.
Только вдруг показалось,
Что дрогнули руки монтажницы,
Эти милые руки,
Когда прикоснулись ко мне.

Неужели – она?
Неужели она не случайно?
Кровь помчалась по жилам,
Как яростный вешний поток!
Руки, милые руки
Нечаянно выдали тайну,
Ту, которой от губ
Я дожидаться не скоро бы смог!

Помнишь, как над землёй
Распускались мохнатые звёзды?
Прямо над головой:
Захотел – и рукой прикоснись!
Как мерцали костры
Сквозь весенний задумчивый воздух,
Как на Сопку Любви
Мы впервые с тобой поднялись?

Под берёзой густой,
В стороне от компаний весёлых,
Мы глядим отрешённо,

Впервые с тобою одни,
Как наш будущий город,
Пока что – рабочий посёлок,
Не торопится спать,
Под горой рассыпая огни.

Чуть прижавшись плечом,
Ты затихла, моя недотрога,
Только сердце стучит,
Отмечая мгновениям счёт...
И посёлок, и стройка,
И рельсы, и автодорога –
Вот наш жизненный путь,
И куда же он нас завлечёт?

Вот и стало тепло.
И не скажешь, что были когда-то
Лишь колонны да крыша,
Стены не хватало одной.
Что, монтируя топки,
На ТЭЦ коченели ребята,
Закрывая свищи,
Покрывались корой ледяной.

Ты, дружище ты мой,
Не успел увидеть эти штуки.
Мы монтаж торопили,
Не зная ни ночи, ни дня.
Не замёрзнешь теперь,
Не запачкаешь чистые руки,
И по станции новой
Пройдёшься уже без меня.

Как приедешь на ТЭЦ
Со своей киносъёмочной группой,
Наведи объектив
На высокий подкрановый путь,
На ажурные фермы,
Бетонных площадок уступы,

И про нас, освещенцев,
Сказать пару слов не забудь.
- Вон оттуда, - скажи, -
И до тесных тоннелей подземных,
В общем, всюду на ТЭЦ,
Где сейчас зажигается свет,
Освещенцы прошли,
Приложили свой труд вдохновенный,
Оставляя повсюду,
Как видите, явственный след.

Мы – ребята, что надо!
Атлеты с рекламной картинки.
Наши мышцы оганены
Спортом, не только трудом.
Но проходит минута –
И сердца коснётся грустинка,
И припомнится мама,
И мамин припомнится дом.

Мама, мама моя!
Если станет мне трудно и хмуро,
Вновь твой образ любимый
Мечту возвращает назад,
Где настольный огонь
Под зелёным горит абажуром
И ребячьих тетрадок
Привычные стопки лежат.
Ты ли, мама, в очках?
Ясноглазой, приветливой, смелой,
Неустанной в делах
Я всегда тебя видеть привык.
Лишь стараньем твоим
Я не выжига и не ловчила.
В мире голой наживы
Душевную щедрость храня,
Буду думать о людях,
Как ты постоянно учила,
Буду жить для тебя,

Как всегда ты жила для меня.

За окошками ночь.
Перед сменой выспаться надо.
Мы находим во сне
Позабытый домашний уют...
Спит принцесса моя,
Спит весёлая наша бригада,
Только мне не до сна:
Снова мысли уснуть не дают.
Помню в детстве когда-то,
Рискуя схватить нахлобучку,
Возвращался утрами
И влазил неслышно в окно...
А теперь по ночам,
Просыпаясь, хватаюсь за ручку,
Чтоб успеть записать
Пару строчек иль слово одно.

Может, кажется странным
Использовать древний анапест.
Почему не верлибр
Или ломаный стих, например?
Но уж очень давно
Хоть встречались мы с ним и не часто,
Я успел полюбить
Этот плавный спокойный размер.
Вот и здесь, на Запсибе,
Ни троп не спросив, ни дорожек,
Он пришёл ко мне сам,
Постоянно в душе воскресал...
У Есенина есть он, у Кедрина,
Симонов тоже
«Пять страниц» драматичных
Размером таким написал.

Что на стройке найдёшь?
Ни кино, ни кафе, ни театра...
Но поближе к реке,

Где затишье, песок и теплынь,
На цветущей земле,
Где ещё не прошёл экскаватор,
Есть у нас ресторан
С романтичным названьем «Полынь».
Здесь в кустах тальника,
В их зелёном густом хороводе,
Можно выпить пивка
После жаркого трудного дня.
Расписания нет,
Сам хозяин себе – благодать!
... Как на голову снег,
Извещение приходит из вуза,
Что кончаются сроки,
И надо контрольные сдать.

Скорый поезд летит,
Пожирая в пути километры.
Закрываешь глаза –
Бор стоит частоколами пик.
Открываешь глаза –
Под широким рассеянным ветром
Серебристый ковыль
Разбежался вокруг по степи.

На Урал, на Урал
По железной грохочем дороге.
На Урал, на Урал,
Где Запсиба совсем не видать,

На Урал, на Урал
Профессуре суровой и строгой
На - ура, на - ура,
Ах, экзамены едем сдавать.

Золотая пора!
Дни безоблачны, солнечно-ярки.
Вдруг метнулись в глаза,
Озарив недостроенный дом,

Золотая пора!
Голубые огни
Острых всполохов электросварки,
Словно Синяя Птица,
Взлетая, забила крылом.

Тут привычка виной,
Или дело в каком-то микробе,
Что за сердце берёт,
Лишь знакомой картиной затронь?
Сварщик, сварщик стоит
В полинялой брезентовой робе
И, как сказочный Зевс,
До земли рассыпает огонь.
Я б работой такой
Любовался с утра и до ночи!
Я держатель в руках
Не устал бы держать никогда!
... Я стоял и смотрел,
А прохожие вежливо очень
Обтекали меня,
Словно камень – речная вода.

Этот город старинный
Собрал и легенды, и были.
Здесь трагедия века
Сквозит из-за облачных сфер.
Как легко в тех местах,
Где не встретишь родных или близких!
Где не спросят тебя,
Ты откуда и кто ты таков...
Я бродил не спеша
Где хотел, без проспектов туристских
Мимо пышных скульптур
Сохранившихся особняков.

О, зловещие стены,
Свидетели горькой утраты!

Окна в землю ушли,
Словно стыдно глядеть на людей.
То Ипатьевский дом,
Где погиб государь-император,
А за ним и держава.
Что толку – жалей, не жалей...

Вот литой павильон –
Кружевные чугунные стены.
Это каслинский стиль,
Рукоделье былых мастеров.
Вот бревенчатый дом,
Сохранивший себя неизменным,
Где свой сказочный мир
Создал мудрый сказитель Бажов.

Над землёй – облака.
Я и сам хоть сейчас к облакам-то!
Если солнце в душе,
И весенние птицы поют!
Потому, что я сдал,
Потому, что в окне главпочтамта
С полосатой каймой
Мне с Запсиба письмо подают.

Ж Е Л Е З Н А Я Д Е Р Ж А В А

Часть 1

И С Т О К И

«Российская советская республика находится постольку в выгодных условиях, что располагает даже после Брестского мира гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь).

Разработка этих естественных богатств приёмами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производственных сил»...

В. И. Ленин «Очередные задачи Советской власти». 1918 г.

У шорских рек, строптивых и глубоких,
Не русло, а сплошная маята:
В седых горах затеряны истоки,

В отрогах Абаканского хребта.
В аулах, словно гномы-чудотворцы,
По берегам помощницы-воды,
Безвестные старательские шорцы
Железо добывали из руды.
Платили дань, меняли на скотину,
Ковали пики, сабли и щиты.
Годами над горном сгибали спину,
Но так и не согнули нищеты.
Когда пришёл царёв оброк жестокий –
Угас железный промысел, ослаб...
В седых веках затеряны истоки
Кузнецкого бывшего ремесла.

Пришёл Октябрь –
И всколыхнулось время!
Разруха,
Героизм,
Двадцатый гол...
Вновь поднята Тельбесская проблема:
Большой металлургический завод.

В глухой тайге, уйдя за хвойный полог,
Когда верхом, когда и в поводу,
Профессор Усов, молодой геолог,
Старательно разыскивал руду.
Искать железо – надо быть железным!
Но, сверх учебных правил и программ,
Студенты добровольно, безвозмездно
С профессором кочуют по горам.
Настойчивость, умение, терпенье...
Как истина, рождённая в труде,
За шагом шаг приходит подтвержденье
Расчётов и догадок о руде.
И вот – нашли!
Разметили маршруты,
Раскрыли недр заветные ларцы!

Осталось лишь, не медля ни минуты,
В Тельбессбюро доставить образцы.

Низина.
Темень.
Холод, дождь и слякоть...
На месте стройплощадки – водоём.
Как говорят, хозяин и собаку
Не выгонит во двор, а мы идём!
Идёт ещё, - народу маловато! -
Вербовка по соседним деревням...
Вот выброшена первая лопата,
Пошла работа – начат котлован!
Пошла работа – и не остановишь.
Пусть труд тяжёл, да и житьё – не мёд,
Без отдыха, с мозолями до крови
Пошла работа – кто кого возьмёт!
Сломали рамки планов и заданий.
Рабочим суткам – никаких границ.
Подушкой – рельс, что уложили за день,
А чтоб же жёстко – пара рукавиц.
Пошла работа!
Словно песню пели,
Раствор мешали, клали кирпичи.
Те, что вчера работать не умели,
Сегодня приходили: научи!
К объектам приступали без опаски.
Приноровились – где вчерашний страх?
В изрытом котловане, словно в сказке,
Заводище рождался на глазах.

Иван Чирков, мальчишка в услуженье,
В соседний лес пошёл по глухари
Не как попало, в полном снаряженье:
Берданка, три патрона, сухари.
Не в первый раз выходит на охоту!
Совсем как взрослый, издали видать.

Одна беда: патроны-то по счёту
Хозяин выдал. Надо оправдать.
Но только шишки сбил со старой ели.
Уж как старался, целился, стрелял...
Совсем же рядом глухари сидели,
А не попал! Ни разу не попал.
Слезу пусти...
Хозяин как ударит –
Ни в жисть не удержаться на ногах!
По просеке идёт какой-то барин
С пером на шляпе, в мягких сапогах.
- Чего ревёшь?
- Патроны поистратил,
А глухарей хозяйке не добыл...
- И только-то?
(Винтовка на подхвате...)
- Считаю, что я тебе их подарил.
Иван глядит – диковина, однако!
Вовек таких не видывал людей.
... Помог Ивану Михаил Курако,
Великий доменщик и чародей.

Как мелкие ручьи неутомимо
Бегут в Мрас-су, а та впадает в Томь,
Так труд людей, сплочённых воедино,
Могучим разливается трудом.
Подручный бывший, академик Бардин,
Грабарь Данила, каменщик Игнат –
Не каждый для себя, не славы ради –
Боролись за Кузнецкий комбинат.
Историю продолжив нашей новью,
Мы строим ныне город-великан.
Так Томь – река, соединившись с Обью,
Выходит в Ледовитый океан.

Во тьме ночей, горячих и бессонных,
Рабочих, героически ночей,
Видно на половине небосклона
В Новокузнецке зарево печей.
И в том огне, в труде неугасимом,
Что, как река, течёт из года в год,
Живут цеха и люди Коксохима,
С которых начинается завод.
Там факелы, как флаги, гордо реют,
В ночное небо льётся рыжий свет...
Идём по пешеходной галерее,
Как по картинной в Лувре иль в Москве.
Но где найдёшь такой музей огромный,
В котором небо вместо потолка?
Внизу – депо, направо встали домны,
Мартены и прокатные цеха.
По сторонам засмотришься невольно!
Но вот и блок печей в конце концов.
Радушно, как хозяин хлебосольный,
Нас газовщик встречает Прошлецов.
А вдоль печей по колее широкой
Ползёт, насторожив свой длинный нос,
Как мамонт, высока и крутобока,
Машина, что выталкивает кокс.
В мерцанье вспышек, грохоте и звоне,
Весь поглощён работою своей,
Поёт в кабине машинист Авдонин,
Не видя появления гостей.
Профорг на блоке, знающий рабочий.
Здороваемся, в стенку постучав:
Уж извините нас, что среди ночи.
Спокойней в эту пору на печак.

Качаясь, как орудие у танка,
Вытягивая хобот на версту,
Загромыхала, побежала штанга,
Разравнивая в камере шихту.
Ты не успела смелости набраться,

А дворовой уже даёт ответ:
«Тебе от роду сколько? Восемнадцать?
А он на блоке девятнадцать лет!»
И – чистить двери, крикнув для остратки.
На скулах отражаются огни...
Вот вам, поэты, образы и краски,
Герои вам: трудитесь, как они!
Поэтика – серьёзная наука,
Со всеми прочими в одном ряду.
Учиться надо, но не только звукам:
Учиться отношению к труду.

А верх печей – живая панорама!
Там с гордою седою головой
По печи, как по кратеру вулкана,
Идёт Осокин, старший люковой.
Секретами профессии владея,
На слово скуп, зато на дело щедр.
Откроет люк – и выхлоп, словно гейзер,
На волю вырывается из недр.
Здесь, на печах, особые законы:
Сигнал – гудок, в ответ – ещё гудок...
Ложится на тушильные вагоны
Насквозь румяный коксовый пирог.

Покинув царство пламени и света,
К лебёдке дверевой спустившись вниз,
Мы видим депутата облсовета:
Заводчиков, бывалый машинист.
Ты думала, что он во фрачной паре?
Вот, полюбуйся, он в труде каков –
Ровесник мой, весёлый флотский парень.
На блоке много бывших моряков.

Вдруг – с непривычки даже стало страшно,
Темно и сыро сделалось кругом.
То пар рванулся из тушильной башни
Высоким торжествующим столбом.

Потёртая, не в праздничном наряде,
Струилась бесконечно полоса
И уходила вверх по эстакаде,
Ноздристый кокс везя на силоса.
А мастер поясняет виновато,
Снимая кепку в угольной пыли:
«Уж старая, заплатата на заплате,
А новую вот только привезли».
Мигают лампы: мелочь ли, орешек
Течёт по руслам транспортёрных лент,
Поток автоматически отвешен
И точно обозначен на пульте.

Здесь – тоже цех. И труд такой же жаркий:
Котлы кипят, не древние горшки!
Дежурный повар Катенька Базаркина
Несёт нам с пылу, с жару пирожки.
Сейчас покой, но всё тут наготове,
Чтоб накормить рабочих без помех.
Заходит парень. Стоя выпил кофе:
Видать, на смену прибыл человек.

Казалось, впечатлений до предела,
Но, оглянувшись с полпути назад,
Ты снова батареи оглядела
И тихо прошептала: «Добрый ад!»
Да, добрый ад, могучий и спокойный,
С рассчитанным режимом до минут,
Где люди высшей чести удостоены:
Основы коммунизма создают.
Я сам из заводской семьи едтной.
Скажу, заветных слов не затая:
Завод мой! Комбинат необозримый!
Ты – родина духовная моя.
Горжусь я, что немеркнувшее пламя

Рождает новый свет в душе моей.
Что в знак признание огненное знамя
Тебе навеки отдал Юбилей.

Земля – клубок, намотанный из времени.
Ему вертеться миллионы лет.
Но из эпох, могу сказать уверенно,
Важней, чем наша, не было и нет.
Сверженье гнёта,
Перелом истории,
Миров граница,
Тьмы и света стык,
Смертельное с врагом противоборье
И в Космос шаг невиданно велик.
Кузнецкой сталью пишем мы историю,
И я хочу, чтоб наш потомок знал:
Ведь это не руду из Горной Шории –
Себя мы переплавили в металл.
Мы не бессмертны.
Скоро ли, не скоро
Настанет час, когда и я умру,
Но в ряд высоковольтные опоры
Гудеть всё так же будут на ветру!
Звенеть – мосты,
Касаться – теплоходы,
Удары волн бортами отразят...
И верю я, что ни в какие годы
На свете нам состариться нельзя.

Опять звенят ступени под ногами.
Обратный путь – недолог он и прост.
Багровое и золотое пламя
Бросает блики на железный мост.
Ночные тучи пламя отражают,
Но не глуха земля и не темна:
Сибирь моя,
Любовь моя большая

Огнями наших душ озарена.

Часть 3
БОГ ПОГОДЫ

*«Было чудесно от встречи
С необыкновенным человеком»*

Из книги отзывов
Обсерватории А.В.Дьякова

О стёкла бьётся мошкара ночная,
Слетелась поплясать на огонёк
Посмотришь – и казаться начинает,
Что дом окутан ею по конёк.
Вдруг сильный стук,
И мягкий в то же время.
Не птица ли в окно с размаху бьёт?
Но даже не взглянув в ночную темень,
Хозяин замечает: «Это кот».
Да, вижу. Сlopал бабочку, негодник.
Величественный, рыжий, словно лев...
Бросая тень на низкий подоконник,
Хозяин что-то ищет на столе.
Листает карты, старые газеты,
Конспекты, схоронённые в пыли...
Из самых дальних уголков планеты
Он собирал историю Земли.
Читал средневековые примеры
О совпаденьях, виденных не раз,
Внезапных возмущений атмосферы
И вспышек Солнца...
Меж ними связь
Искал...
А для чего бы? Ведь зарплата
Идёт за то, чтоб этот человек
В районе рудной базы комбината
Предупреждал про дождик или снег.
Но Дьяков в поведении светила
Искал земного климата закон,
И если бы оно не заходило,

От телескопа не ушёл бы он.

Считал он так, а многие – иначе.
Во мненьях до сих пор единства нет.
Теорий – тьма... Да и сама задача
Титану впору:
Много сотен лет
Терзали Кубу яростные смерчи,
Разливы Ганга задавали дел...
Казалось, тут такой клубок наворачен,
Что не распутать.
А вот он сумел!
Рождался вывод в штабелях тетрадей,
Как слиток стали из железных руд:
Когда на солнце пятна оживут –
Всю землю беспощадно лихорадит.
Когда протуберанцы, словно бивни,
Ударят во всемирный океан,
Обрушатся тропические ливни
На Индию, Цейлон и Пакистан.
Сибирь завалит снегом небывалым,
На дно пошлёт рыбацкие суда...
А он теперь задолго до начала
Предвидеть может, что идёт беда.

Метеоролог – древняя профессия,
Но чтоб по Солнцу...
Небывалый вид:
Здесь телескоп французской фирмы «Сесия»,
Как аппарат алхимика стоит.
Хозяин – воплощённое бессмертие:
В нём острый ум и детская душа.
Над ним гуляют солнечные ветры,
Земную атмосферу вороша.
Не для него житейские законы!
Устройство быта – суета и прах.
Всей роскоши – портрет Фламариона,

Да старенькая шляпа на вихрах.
Таков он, знаменитый Бог Погоды!
Его Олимп – ушедший в землю дом...
Нас окружают горы, словно годы,
Окаменелым вставшие трудом...
За окнами – туман дорогой млечной.
Звучит в тиши часов старинных бой,
И чувствуешь, как заполняет вечность
Пространство меж Вселенной и тобой.

*Не странно ли, что жители нашей
планеты проживают до нашего времени,
не зная, где они находятся, и, не подозревая
о чудесах Вселенной?
Камилл Фламарион*

Мы все привыкли к точным измерениям.
Мне – тридцать три,
В двенадцать – на обед,
Свои пять пальцев,
Килограмм варенья,
Два дня разлуки... Или восемь лет...
Хоть говорят порой «тоска без меры»,
Всё на Земле среди своих границ.
Но есть такие области и сферы,
Где ни масштабов нет, ни единиц.
Ни в микроскопе и ни на экране,
Ни по таблице, словно пятью пять...
Как, например, измерить расстояние
До звёзд, которых даже не видать?
Мы знаем: есть.
К нам волны света катит
Поток лучей, стремительный, как миг,
Но жизни всей Галактики не хватит,
Чтобы дожидаться весточки от них.
Бушует плазма страстно и отчаянно:
Во весь распад гори, пылай, свети!
Летят луч, преграды не встречая,
И взгляда не встречая на пути.

Летят лучи, пространствами обмануты.
Их поглотил бездонной ночи зев...
И страшно им...
И остывают кванты,
Собою никого не обогрев.

Но как же было нам не растеряться,
Когда вокруг такая ширь и высь?
Мне хочется на цыпочки подняться
И крикнуть в небо: «Где ты, отзовись!»

Чтоб заметалось эхо во Вселенной,
Дробясь о бесконечные миры,
Чтоб бы пришла...
Счастливой и весенней,
Какой была со мною до поры.
Любовь моя...
Через какие беды
Я не прошёл бы!
Блекнет неба зонт,
Задумчиво туманность Андромеды
Уходит за таёжный горизонт.

*«Темиртау Таштагольского Кемеровской гелиостанция Горной Шории.
Уважаемый Анатолий Витальевич просим уточнить прогноз летнего
периода Уралу Сибири казать возможные заморозки августе сентябре
Уважением начглавуправления земледелия МСХ РСФСР Осиянов»*

«Уважаемый Анатолий Витальевич! .. Пользуясь Вашими долгосрочными прогнозами выбирали лучшие приёмы агротехники и сроки посева. За три года благодаря этому средний урожай по области составил 18 центнеров (в прошлой пятилетке – 8,2 центнера)... » С искренним уважением секретарь Челябинского ОК КПСС Н. Лаврентьев.

Распахнут купол.
Синяя дорога
В необозримый космос пролегла

Из почернейшей комнатухи Бога,
Где он вершит чудесные дела.
Экран, рефрактор, небо – всё понятно.
Тетрадный лист попал под яркий круг.
Расплывчатые солнечные пятна
Буквально ускользают из-под рук.
Щелчок... Почти неслышное гуденье...
Следя за Солнцем строго по пятам,
Без остановок и без отклонений
Поплыли купол, телескоп, экран.
О Солнце до сих пор ведутся споры:
Влияет на погоду или нет?
А здесь делами, а не разговором
Даётся убедительный ответ.
В Сибири ли, в Европе – одинаково.
Ошибок – чуть поболее нуля.
Глядит на Солнце Анатолий Дьяков,
А видит Землю.
Хлебные поля
Под золотистым ветром колосятся,
На промысел выходят рыбаки...
На свете все дела его касаются,
Все люди одинаково близки.
Не зря его коллеги уважают,
В учёном мире ценят высоко...
А в Темир-Тау многие не знают
По имени и отчеству его.
Как говорят пословицы Востока, -
Веками отшлифованный язык, -
В своём краю не признают пророка,
В своей семье великий – не велик.
И всё ж под этот купол серебристый,
(Не встанешь, не согнувши головы!),
Приходят экскурсанты и туристы,
Приходят телеграммы из Москвы
И из Гаваны...
В центре Горной Шории
Научный разгорается маяк:
Новейшая теперь обсерватория

Белеет на вершине Улу-Даг.
В три телескопа небо наблюдая, -
Движенье звёзд, комет летучий бег,
Немало он загадок разгадает,
Не по летам горячий человек.
Хоть к славе он относится беспечно,
Известен Дьяков: по труду и честь.
И если в общем Бога нет, конечно,
То Бог Погоды, безусловно, есть.

Часть 4

ПОДВИГ ВСЕНАРОДНЫЙ

*«Плавьте больше прекрасной стали, необходимой
Для производства пушек, снарядов, танков, боевых кораблей.
Вашим смертоносным металлом мы будем громить и уничтожать
Гитлеровское бешеное зверьё».*

Из письма гвардейцев-сибиряков сталевару
А. Я. Чалкову.

От западных границ тянуло дымом,
Великий стон стоял по всей стране...
Земля моя! Заветный край родимый!
Ты вся в огне,
Ты, как в огне, в войне.

Вставали на врага сыны России,
Но падали, как пол косою рожь:
Ведь кулаками танки не осилишь
И мужеством из пушки не пальнёшь.
Нужна броня!
Сперва для обороны,
Затем – для мести чёрным палачам.
Нужна броня!
Ночной звонок наркома
Призвал на этот подвиг кузнечан.
И закипели яростные смены!
Как дальний отблеск фронтовой зари,
Ревели большегрузные мартены,

Невиданные плавки заварив.
Попытки, пробы, часто неудачи:
Плохие угли, скверная руда...
Но раз страной поставлена задача,
То кузнечане справятся всегда!
Одна лишь мысль во всех умах стучала:
Сталь броневую выдать в лучший срок!
Решил задачу Александр Чалков,
Смекалистый весёлый мужичок.
Как результат блестящего успеха
Рабочих, инженеров, мастеров,
На станах рельсобалочного цеха
Пошла прокатка броневых листов.
Пусть нет боёв, пусть в нашем небе чисто,
Не режет слух снарядов злобный вой –
Здесь, как в бою, стояли коммунисты
Лицом к огню, как на передовой.

*«За 5 месяцев на КМК собрано для посылки на фронт
23524 тёплые вещи: валенки, полушубки, ватные телогрейки
и брюки, шапки и т.д. Начальник доменного цеха А.Ф. Борисов
внёс легковую автомашину «М-1», выданную в награду в 1940
году, и 2000 рублей. Инженер ЦЗЛ М. Бондарёва внесла в фонд
обороны 9 золотых вещей и велосипед...».*

(Из архивных материалов)

Кто мог носить оружие – шёл в солдаты.
А те, кто не ушли, - как в старину,
На правый бой противу супостата
Кормильцев собирали на войну.
Глаза слипались, уставали руки,
Но женщины по всей родной земле
Стежили шапки, телогрейки, брюки,
Бельё стирали для госпиталей.
Моя страна – как бивуак походный,
Объединённый воинской страдой.
То был великий подвиг всенародный,
Рождённый всенародною бедой.
Земля горела... Погорельцы стыли...

Солдаты отходили на восток,
А им навстречу из глубин России
Шёл ополченцев яростный поток.
Кузбассовцы, алтайцы, иркутяне,
И пожилые, и совсем юнцы
Шагали монолитными рядами
Туда, где бились братья и отцы.
И сколько б их война не уносила,
За павшим строем вырастал другой.
Страна мужала, набирала силу
И поднималась на великий бой!
Ему греметь ещё по всем границам,
Разить фашизм под корень, наповал.
А в сорок первом – первыми зарницами
Великий гнев народный нарастал.
Страна стонала, пламенем палима,
Она несла невиданный урон,
И было б тяжелей неизмеримо,
Когда б не тыл – второй советский фронт.

*«Вторая фаза репарационного ранее процесса
с восстановлением функции боеспособности в возможно
короткий срок завершает задачу санитарной службы
Красной Армии, и её выполнение падает на тыловые
госпитали».*

*Из «Инструкции по методу
хирургического лечения в тыловых
госпиталях».*

Наркомздрав СССР, 1941 год.

Мы в будущее смотрим с интересом,
Бежим от повседневной суеты.
Нам всё прозрачней времени завеса,
Нам всё видней грядущие черты.
Но посмотрите: из жилых кварталов,
Где в небо вырастают этажи,
Безлунной ночью прошлое восстало,
Колеблются, сливаясь, миражи.

Год сорок первый...
Тень июльской ночи...
Толпою возбуждённой окружён,
Впервые среди города грохочет
Военный санитарный эшелон.
Кто чуть окреп – хоть снова за винтовку,
Кто весь изранен и едва живой...
Лишь два часа дано на остановку,
И снова в путь, опять к передовой.
Встречали тот состав не музыканты:
В молчанье скорбном на своих постах
Военного училища курсанты,
Дружинницы из Красного Креста.
Носилки из вагонов подавая,
Передавая дальше по рукам,
Всех раненых развозят на трамвае
По школам – а теперь госпиталям.
Девчоночки, медсёстры-кузнечанки
Страданью, смерти глянули в лицо.
Дежурили бессонными ночами,
Выхаживали раненых бойцов.

А утром – словно солнце входит в двери –
По-детски непосредственны, просты,
С концертами приходят пионеры,
Приносят радость, песни и цветы.
Немало тех, кто ласкою хранимый,
Набрался сил и вновь вернулся в строй,
Дошёл до Праги, Вены и Берлина
И День Победы встретил как герой.

*«Потомки свято хранят память о тех,
Кто кровью заплатил за их жизнь и счастье»*
Надпись на братской
воинской могиле в Новокузнецке

Всё в гору, в гору,
Поднимаюсь к небу...

От обелиска не отводишь глаз...
Я здесь пока ещё ни разу не был,
Но знаю, что приду ещё не раз.
Деревья вдоль пути хранят молчанье,
На косогорах – белые поля...
Под чистым снегом дремлют кузнечане,
Погибшие от ран в госпиталях.
Они сюда вернулись с поля брани.
Сознания свет – как искры от костра.
Ещё живые, но уже на грани
Покоя вечного...
Напрасно доктора
Пытались к жизни их вернуть упрямо:
Ушли они...
Замкнула очи мгла...
Тогда земля, как старенькая мама,
Героев осторожно приняла.
Кончался день, седой печалью тронутый
Сгущался сумрак, тишину даря,
И долго не сходила с горизонта
Кровавая холодная заря.

И вот – весна.
И день совсем весенний.
Погода – красота и благодать!
Смешно сказать: сегодня воскресенье
Для тех, кто жив.
А что им воскресать?
Я всматриваюсь в пышный чернозём
С каким-то новым, странным любопытством:
Земля, земля...
Мы все туда уйдём,
Чтоб в жизни бесконечной раствориться.
Ведь слышат эти братские могилы,
Что вновь пришла весенняя пора,
Что с ними рядом, не жалея силы,
Шахтёры катят уголь на- гора.
Весенний воздух катится по штрекам...

И я внезапно остро ощутил
Ответственность живого человека
Перед неммым молчанием могил.
Но скорби нет в молчании героев:
Их подвиги в живых делах видны.
Они достигли высшего покоя
В земле, спасённой ими от войны.
А если будет надо, то по следу
За ними встанет исполинов рать.
Моей земле не привыкать к победам,
Как и к лихим годам не привыкать.

Часть 5

ГИМН ТРУДУ

*Коллективу рельсобалочного цеха –
победителю в предоктябрьском
социалистическом соревновании.*

В тридцать втором,
Примерно в эту пору,
В историю записана строка:
Решая все сомнения и споры,
Родился первый рельс на КМК.

Год сорок первый.
Время испытаний,
Когда буквально в первые же дни
Цех подвиг совершил:
На мощном стане
Освоил выпуск листовой брони.

А это дело – вовсе не простое!
Не с каждым разом приходил успех.
Бывали неполадки и простои,
И отстающим становился цех...
Всё позади!
Успех вернулся снова.
С трудом вернулся, по путям крутым.
Теперь уже никто худого слова

Про цех не скажет: стал передовым!

Прокипячённый в зареве туманном,
Из жарких нагревательных печей
Бежит прокат по цеху неустанно,
Как в половодье – солнечный ручей.
Горячий, чистый, гранями сверкая,
На всём пути тепло своё храня,
Из черновых клетей он вытекает,
По роликам гремит, как по камням.

Чего же проще?

Тронь манипулятор –
И всё само пойдёт, что будь здоров!
Но виден человеческий характер
В движении безмолвных шлепперов.
По-разному одно и то же дело
Исполнить можно.
Погляди, узнай:
Идёт работа смело и умело,
Когда на смене Вагин Николай.
За десять лет усвоено немало.
Слова бросать на ветер не привык.
Он бережно относится к металлу,
И к людям тоже:
Старый фронтовик!

В калибр валков ныряя друг за другом,
Проходят рельсы чистовую клеть,
А рядом, словно на столе хирурга, -
Приборы, инструменты, яркий свет.
Орехов не бывает и в помине,
Спокоен ОТК за чистоту,
Когда вальцовщик Леонид Калинин
На смену заступает на посту.

В его руках и качество, и время.
Один из самых опытных спецов,
Не подкачает Николай Ефремов
На фрезеровке рельсовых торцов.
Он вырос здесь: простой, трудолюбивый.
Стал цех ему теперь, как отчий дом.
Не зря же он известен в коллективе
Своим безукоризненным трудом.
Когда-то их, учеников безусых,
Шутливо называли «ремесло».
Да, ремесло!
На уровне искусства
Оно звучит получше громких слов.

Станок ли, клеть – во всём порядок строгий.
Заслуга в том дежурных слесарей.
Здесь бригадиром Востриков Георгий –
Он тридцать лет на должности своей!
Доверие рабочих – не обуза.
Готов и сам туда, где потрудней.
На то он член цехкома профсоюза,
Чтоб знать заботы рядовых людей.

Всё видно сверху машинисту крана.
Берёт металл спокойно, без рывков,
Подаст в вагон не поздно и не рано,
А прямо в точку крановщик Бурков.
Здесь говорят о нём без подковырок:
В работе – настоящий виртуоз!
Одновременно выполняет «вира»,
Ведёт тележку, отгоняет мост.

Пройдёшь по цеху – созревает вывод:
Профессией любой ты владей,
Но чёткий труд, без спешки и без срывов, -
В руках спокойных, сдержанных людей.
Умелым людям наше пожеланье:
Пусть постоянно сохраняет цех
Ритмичный ход,

Спокойное дыхание,
И в результате –
Трудовой успех!

Часть 6
Д Е Н Ъ П О Б Е Д Ы

У кинотеатра «Октябрь»

Всё дождь с утра, всё непогодица.

Над «Октябрём»

Не видно мая.

На площадь ветераны сходятся,

Друзей старинных обнимают.

Тяжёлые знамёна вымокли,

Как будто бы набухли кровью,

И девушки глядят с улыбками,

А женщины глядят со скорбью.

Мужчины самые обычные

Сегодня стали, как солдаты,

Хоть звон медалей мелодичный

И не похож на звон набата.

Награды яркими зарницами

Из-под плащей блеснут порою...

Так скрыты за простыми лицами

Сердца железные героев.

В кружок мужчины собираются,

Бои, походы вспоминают.

Грустят и снова оживляются,

Глазами молодо сверкая.

Ведь это ими же, солдатами,

Повержен в прах завоеватель!

А со знамён всё капли падают,

Краснеют лужи на асфальте...

Театральная площадь

Стоят ряды, равнение храня.

Лишь на ветру струятся транспаранты,

И с шумом пробегает ребятня,

И трубами сверкают музыканты.

Да общежития многоэтажный дом

Расцвёл девичьей красотой юной...

Пришёл Орджоникидзевский район
И рядом с нами встал перед трибуной.
Объят и призывник, и ветеран
Одним волнением общего подъёма.
И вот уже не площадь – океан,
И чудятся вдали раскаты грома!
А дождь всё льёт...
И на мгновенье вдруг
Увидел я, как бы во власти бреда,
Такой же дождь...
Мы загружаем в люк
Промасленные жирны торпеды.
Над пирсом нарушает тишину
Лебёдки скрип.
Ей хрипло чайки вторят.
Вот отданы концы... Идём ко дну,
Но мы не тонем: мы уходим в море.
- Равнение налево! – эха гул
Над площадью заполненной разнёсся.
Уже идёт почётный караул
И, замерев, шагает знаменосец.
В ладони плит впечатывая шаг,
Синяя отрешёнными глазами,
Несёт в прямых, как выстрелы, руках
Поблёкшее прославленное знамя.
Пора и мне.
Приходит мой черёд.
Мне мало только личных впечатлений:
Чтоб сделать снимок, выйду наперёд
И перед строем преклоню колени.
Такому строю, гордость позабыв,
Могла бы вся планета поклониться!
... Распахнут просветлённый объектив,
Стучит затвор – то сердце в нём стучится.

У памятника Неизвестному солдату
Один букет, ещё букет,
Несут венки и ленты...
Стоит солдат, окаменев,

На белом постаменте.
И в трубы налилась вода
Оркестру духовому...
А люди всё идут сюда
Дорогою знакомой.

Одетый в синюю шинель
Молоденький сержантик
Кого-то за руку задел:
- Вы чуть в сторонку встаньте!
А тот стоит высок, сутул,
Как будто без вниманья.
Какой же груз его пригнул:
Годов? Воспоминаний?
Он объяснил бы, если мог,
Да в горле что-то тесно.
- Сейчас, сынок... Сейчас, сынок... -
А сам стоит ни с места.
Не виден памятник почти:
Да что ж это такое?
Всё трёт очки, всё трёт очки,
Но не очки виною.
В глазах проходят сквозь туман
Минувшего минуты...
И дождь стекает по щекам
Солёный почему-то.

Эстафета

Небо в тучах посветлело.
Неужели, солнце, ты?
По-хозяйски оглядело
Мокрый город с высоты.
И как раз в минуту эту,
Размахнувшаяся всласть,
По Октябрьскому проспекту
Эстафета понеслась!
Вот девчонка в синей майке
Впереди других на пядь:
Догоняйте, догоняйте,

Если сможете догнать!
Крики, свист, мелькают кеды...
Над землёй восходит май...
День Победы,
День Победы,
Солнце плещет через край!